

Светлана Куликова
Рояль в горах

и другие истории

Светлана Куликова

Рояль в горах

«Издательские решения»

Куликова С.

Рояль в горах / С. Куликова — «Издательские решения»,

Талантливый рассказчик (а этот жанр считается в литературе самым трудным), автор не замахивается на фундаментальные произведения, но и на малом пространстве ей удаётся разместить много, почти целую жизнь. Светлана Куликова — мастер неожиданных сюжетных поворотов. Поэтому читать её всегда интересно: никогда не угадаешь, чем закончится повествование...
Лариса Румарчук, член Союза писателей Москвы.

© Куликова С.

© Издательские решения

Содержание

Слово к читателям	6
Дары полнолуния	8
Восхитительный берег	17
Талисман	21
Рояль в горах	25
Натюрморт в зелёных тонах	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Рояль в горах и другие истории Светлана Куликова

© Светлана Куликова, 2015

Литературный редактор Кузина Янина

Редактор Ковалёв Юрий

Корректор Кузина Янина

На обложке Игоря Сидорова картина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Слово к читателям

Юрий КОВАЛЁВ, член Союза писателей России:

В рассказах Светланы Куликовой за внешней простотой письма и незамысловатостью сюжетов скрываются чувства искренние, страсти нешуточные, размышления глубокие о нелёгком человеческом житье-бытье.

Два главных обстоятельства сформировали стиль письма автора, сделали его неповторимым и узнаваемым: по образованию она архитектор, отсюда чувство композиции, внимание к деталям; вторая профессия – журналиста – помогает тщательно подбирать слова для выражения своих идей.

Порой рассказы Светланы напоминают репортажи с места события. Они лаконичны и точны. Каждая деталь работает на сюжет. Игра фантазии, присущая художественной прозе, непредсказуемо перемешивается в произведениях Светланы Куликовой с достоверностью документального очерка, что придаёт им неповторимый колорит. Кажется, что герои рассказов уже нам знакомы, где-то рядом – стоит только окликнуть, и они войдут в комнату, удивлённо оглядываясь по сторонам, и по-приятельски поздороваются с присутствующими.

Давайте же познакомимся с ними поближе, разделим по-братски их горести и радости, полюбим за искренность и доброту. Они достойны этого...

Янина КУЗИНА, литературный редактор, Заслуженный работник культуры РФ:

В наше время, когда ценность человека все чаще определяется его платежеспособностью, особенно важно напоминать людям, что есть еще и такие понятия, как совесть, сострадание, любовь. Любовь, а порой сострадание Светланы Куликовой к своим героям не могут не вызывать сочувствия к ним и у читателя.

В рассказах нет отъявленных негодяев, жестоких и беспринципных людей. Тогда в чем же конфликт? Где борьба добра со злом? А борьба эта, – говорит нам автор, – идет внутри каждого из нас на протяжении всей жизни. Возможно, именно поэтому среди произведений Светланы Куликовой немало таких, которые приглашают читателя пофантазировать: а что дальше? Или: а если бы не?.. Поразмыслить. И не только над судьбами литературных персонажей...

Светлана КУЛИКОВА, автор, член Союза писателей России, член Союза журналистов РФ:

В школе у меня любимым уроком была литература, любимым заданием – сочинение. Писала я много, с удовольствием и беспощадно к героям произведений. После того, как назвала Анну Каренину дурой и получила двойку, узнала от мамы, что семейные законы в России в XIX веке были совсем не такие как в XX, что понять Анну может только читатель старше тридцати лет, после чего стала внимательней присматриваться к судьбам людей, осторожней судить о них.

Собирать житейские истории начала в Хабаровске, где числилась внештатным корреспондентом газеты «Молодой дальневосточник».

В первую книгу «Жила-была женщина...» (2008 г., Москва) я включила очерки, опубликованные в СМИ разных городов, где работала – Хабаровска, Ставрополя, Череповца, Москвы... Вторая – «Вертикальные дороги» (2012 г., Дюссельдорф) – оставила ощущение, что мне самой мало понятны придуманные мной персонажи, их чувства и поступки. Я стала изучать психологию и посещать семинары философского общества РАН. Эта книга – результат напряжённых усилий в попытках осознать, почему мои герои поступают так, а не иначе... Не вышло, пришлось позволить им жить как хотят, делать что вздумается.

Название сборнику дал мой сын Иван – ему понравился одноимённый рассказ. Не стала возражать: многие герои рассказов, порой, выглядят нелепо и странно, словно рояль в горах, но я их люблю и хочу, чтобы вы тоже полюбили...

Дары полнолуния

В новом доме Елена Михайловна аккуратно перекладывала картины мужа толстыми картонными листами и расставляла на стеллажах. Дмитрий Павлович наблюдал за ней из кресла-качалки, наслаждаясь осознанием исполненной мечты...

Участок земли у круглого лесного озера, окружённого струнно натянутыми соснами, ещё в советские времена Союз художников выделил перспективному живописцу Дмитрию Чистову. Место оказалось красивым до шемящего душу восторга, но труднодоступным. Сначала часа четыре электричкой, потом по просёлку от станции до деревни автобусом, оттуда до озера километра три – только пешком, но Чистов упорно таскал сюда тяжёлый этюдник с красками и палатку. Неделями жил на берегу, самозабвенно писал пейзажи. Весной – акварельно растворённую в синеве юную зелень, летом – буйно цветущее разнотравье, осенью – иссечённый дождями бор... Зимой не приезжал: в те годы через снега к озеру невозможно было пробраться. Это сейчас, тридцать лет спустя, и до деревни асфальт проложили, и через лес грунтовку укатали. Сыновья помогли – оба искусствоведы, совладельцы солидного арт-аукциона. Благодаря им картины отца разошлись по всему миру, и Чистовы смогли построить дом на том месте, где когда-то горел костёр одинокого художника...

– Дима, я приготовлю обед, ты разбери остальное, тут немного осталось, – Елена Михайловна вытерла руки и ушла на кухню.

Дмитрий Павлович медленно поднялся, постоял, глядя на заходящее солнце.

Молодец, Леночка, грамотно дом спланировала. Весь третий этаж – просторная мастерская. Одна стена – целиком стеклянная – выходит в бор. Сквозь сосны видно, как поблёскивает тёмный глаз озера и творит закат свою живопись: плеснул киновари в лазурь воды, густым индиго положил под кусты тени, подсветил золотом охру сосновых стволов... Включать свет Дмитрий не стал, перебирая картины в полумраке...

Карелия начала девяностых... А это – прошлогодняя: пейзаж в горах Андорры, ездили с Леной... Вот её портрет, очень удачный, на взгляд автора, да и модель не в претензии... Интересно, где та ранняя работа? Должна быть здесь, он запретил продавать. Дмитрий Павлович не вглядывался в полотна, знал: сразу почувствует то, что ищет. Нашёл. Застучало невпопад сердце – один удар пропустило, другой сдвоило...

...Это был известный на худграфе «любовный квадрат». Игорь Зорин открыто и безнадежно любил Лену Полеву. Лена сохла по Диме Чистову. А Дима, уверенный, что в жизни художника не может быть страсти выше любви к искусству, обожал одну только Живопись. И тоже без взаимности: технически безупречно выполненные работы Чистова казались безжизненными.

«Ты рукой пишешь, а надо сердцем! Сердцем! – кричал на Диму преподаватель, признанный советский пейзажист. – Это только на словах натюрморт – мёртвая натура. На деле в любом неживом объекте, не говоря уже о живом субъекте, есть отражение души автора! Мало научиться рисовать, мало овладеть законами композиции и перспективы, надо не бояться вывернуть наизнанку своё нутро. Иначе никогда не станешь настоящим художником! Вот этот старый глиняный кувшин столько помнит, столько может рассказать! А у тебя он молчит. Дай ему память, и он оживёт! Смотри: розы Коровина – они не прописаны до фотографической точности, но возбуждают желание их понюхать. А у тебя вот здесь живые цветы словно дамская вышивка гладью: красиво, но мёртво. Декор, а не живопись! Тьфу!»

Последнее студенческое лето Чистов задумал провести на Енисее. Прочитал в журнале «Советский художник» очерк о необыкновенной красоте тех мест и загорелся идеей сделать

к диплому серию сибирских пейзажей. В компанию к нему попросилась Полева, и Дима согласился. Не испытывая к Лене ответного влечения, он ценил её лёгкий покладистый характер и неназойливое дружелюбное внимание. За Полевой, разумеется, потянулся Зорин. Махнули в Сибирь втроём.

Дима рассчитывал остановиться в красноярской гостинице, но Лена предложила ехать дальше.

– Мне проводница в поезде рассказала: недалеко от одной деревни есть старый монастырь, а рядом с ним особенное место. Если там на полную луну загадать заветное желание, оно обязательно сбудется.

– Зачем забираться в глухомань ради каких-то суеверий? – возмутился Дима. – Здесь есть всё, что нам надо: гостиница, магазин, столовка... И пейзажи вокруг – самое то! А там где жить?

Но Лену, как всегда, поддержал Игорь:

– Так ведь монастырь же. Каждому – по келье. Будем, как монахи, чередовать труд с молитвами и питаться акридами. Поехали!

Дима удивился: откуда Зорин знает, как жили монахи и что это за акриды такие, но подчинился большинству.

Полтора часа они тряслись в прицепе трактора по ухабистой лесной дороге.

– У меня кишки с мозгами перемешались, – ворчал Чистов.

– Потерпи, – утешала Лена, – зато мы побываем в таких волшебных местах, каких нигде больше нет...

Тракторист высадил их у монастырских развалин, когда в небе уже начали перемигиваться первые звёзды, и покатил дальше к хутору за озером.

Вопреки ожиданиям, в монастыре не сохранилось ни одного пригодного для жилья помещения. Останки разрушенного свода как рёбра дохлого динозавра нависали над руинами, поросшими мхом, пробитыми тонкими стволами каких-то особо жизнестойких деревьев.

Разложили спальники среди камней, поели предусмотрительно закупленных на вокзале хлеба и килек в томате и легли спать. Но уснуть не удалось – ночью резко похолодало. Пришлось достать из рюкзаков все тёплые вещи.

Развели маленький, экономный костерок из собранного вблизи мусора – никому не хотелось идти за хворостом в кромешную темноту. Холодная, чёрная, она казалось живой. Словно кто-то огромный сразу со всех сторон разглядывал их из густой тьмы, ожидая повода явить незваным гостям свою мощь. С неба яростно пялила циклопическое око идеально круглая Луна.

– Полнолуние... – Лена зябко спрятала пальцы в рукава толстого свитера и прижалась к Диме плечом. – У тебя есть мечта?

Чистов задумался.

– У меня есть, – отозвался Зорин, стуча зубами. – А что, вслух надо загадывать?

– Конечно. И чем громче, тем лучше, чтобы на Луне слышно было, – засмеялась Лена.

– Ладно. Значит так, – Игорь встал, запрокинул голову и крикнул в сложенные рупором ладони. – Я хочу дожить до утра, потом позавтракать, потом поспать, потом пообедать...

– ...потом опять поспать, – весело подхватила Лена. – Игорь, остановись, а то всю жизнь будешь только есть да спать и умрёшь от скуки. Дим, а ты?

– А ты? – отозвался Чистов хмуро. Он сто раз пожалел, что поддался стадному чувству и не остался в Красноярске. В гостинице тепло, буфет, чай горячий...

– Я первая спросила... Будешь загадывать?

Дима взглянул на Луну и вздрогнул. Стало тревожно, неуютно на душе, словно попался на экзамене неудачный билет – надо идти отвечать, а в голове пусто. Он вспомнил несложив-

шиеся отношения с живописью; бесплодные попытки превратить добросовестное исполнение в живое искусство... Глупость, конечно, детская игра, но... Неизвестно, что там, в Космосе... Или кто...

– Хочу стать настоящим большим художником, – буркнул он нехотя и улёгся на спину, глядя на ювелирно сверкающие звёзды.

Лена грустно вздохнула:

– Ладно. Теперь я, – она молитвенно сложила ладони и обратилась к небу. – Дорогая Луна, я хочу выйти замуж за любимого человека, жить в доме на берегу озера и пусть...

– ...пусть она полюбит меня, дорогая Луна! – дурашливо завопил Игорь, опускаясь на колени и вздевая обе руки к ночному светилу.

– Прекрати театр, не мешай! – возмутилась Лена. – Ты своё слово сказал. Быть тебе по жизни сытым и выпавшимся.

– Не самое плохое состояние, если сбудется, конечно. – Игорь натянул на голову капюшон куртки и сел поближе к костру. – Только сказки это, народное творчество. На самом деле всё вокруг элементарная физика...

До рассвета начитанный Зорин развлекал друзей рассказами о материальных причинах таинственных природных явлений. И до того доразвлекал, что, когда к ним из утреннего тумана вышла высокая пожилая женщина в чёрном, Лена истошно завизжала.

Женщина засмеялась, замахала руками:

– Тихо, тихо, не бойтесь, петух уж прокричал, всю нечисть разогнал, а я живая. Варвара Кузьминишна я, вон с той деревни, за бугром...

Она расспросила, кто такие, зачем пожаловали, предложила:

– Вот что, ребятки, лучше вам разобраться по избам. У нас, случается, ночами и в июне подмораживают. Замёрзнете, не дай господи. А хозяйки вас и накормят, и обогреют, а вы им по хозяйству поможете. Молодых-то в деревне пошти што нет, одни старики. Но кажно лето каки-нидь умники приезжают. Кто песни собирает, кто монастырь изучат, а попутно нашим бабкам подсобляют. Чтоб всех вас разом в одну избу пристроить – такого места нету, а по одному найдём куда.

Игоря Варвара Кузьминична отвела к себе и вручила ему ведро:

– Вон тама колодезь, а здесь самовар. Неси воду да ставь чай. Иззябся, вижу.

– Ага, сбывается желание, – насмешливо прошептала Лена и показала Игорю язык.

– А тебя, – повернулась к ней хозяйка, – я попрошу одной бабушке помочь. У той уж сил нет даже самой в бане помыться, ты, девонька, её и попаришь.

Игорь остался в доме, а Лена и Дима пошли за Варварой Кузьминичной. Полеву она устроила к одинокой древней старухе в доме по соседству, а Чистова повела на окраину:

– К Вале и Толе в летник определяю.

«Дед с бабкой, наверное», – подумал Дима.

И ошибся.

На крыльцо вышла женщина лет двадцати пяти в коротком модном сарафане, по-деревенски повязанная платком. Под платком угадывались высоко уложенные волосы.

– Вот, Валечка, – ласково протянула Варвара Кузьминична. – Этот выюнош – студент-художник. Возьмёшь на постой?

Тонкая длинноногая женщина стояла в проёме двери, как в раме. На бледном лице глаза синие, взгляд серьёзный. Внешность неброская. Но Дима вдруг почувствовал, что ему хочется разглядывать Валю и даже погладить её гладкую, матовую как яичко и такого же плавного абриса щёку. В хрупком, нежном и вместе с тем независимом облике женщины было нечто, несообразное с этим холодным диким краем. «Словно лебедь в проруби, – восхитился Дима. – Не успела улететь...» Он представил Валю на полотне: призрачно-белая обнажённая фигура модильяневской вытянутости. Только ведь не станет она позировать. Вон, какая... строгая.

Валя серьёзно посмотрела Диме в глаза долгим взглядом и вдруг улыбнулась светло и радостно, вызвав в нём неожиданно ответную радость, кивнула:

– Пойдёмте.

Летником оказался сарай в огороде.

Валя открыла дверь, отошла в сторону:

– Заходите.

В полумраке Чистов разглядел топчан и фанерный столик под маленьким оконцем. Ни лампочки, ни печки.

– Не сильно приглядно, зато под крышей, – успокоила Варвара Кузьминична. – Валя тулуп даст, не замерзнешь.

И шёпотом Димке на ухо добавила:

– Ты, паря, только смотри, не обидь её. Она без того жизнью пришибленная. У неё на руках брат больной...

В сарай вошла Валя, спросила:

– Тебя, студент, как зовут?

– Дмитрий Чистов.

– Дима, значит. Ну, устраивайся да приходи в дом завтракать.

Ушла, легко ступая. И утянула за собой его взгляд.

Варвара Кузьминична заметила, проворчала:

– Ты, ежели не всурьёз, то и не думай подкатывать.

– Да что вы, у меня девушка есть, – зачем-то соврал Дима, чувствуя, что краснеет: старуха угадала внезапное, им самим не до конца осознанное желание «подкатить» к Вале.

За обедом Чистов увидел Валиного брата Толю – худого парня с безумным взглядом, светловолосого и синеглазого, как сестра. Ел Толя, ни на кого не глядя, неуклюже держал ложку, не в лад с руками открывал рот. Валя посматривала на него всё с той же, уже знакомой Диме светлой улыбкой, спокойно вытирала пролитый суп, подбирала оброненный хлеб.

После еды Толя молча встал и ушёл в комнату за печкой.

Дима не удержался, спросил:

– От чего это он... такой?

Валя вздохнула, ответила нехотя:

– Контузия. Тётя Варя у нас знахарка-травница, восьмой год лечит. На ноги поставила, а разум до конца пока не вернула. Но обещает. Мы потому и живём здесь, что в другом месте нам никто ничего не обещает.

Она убрала со стола, за перегородкой принялась мыть посуду. Дима немного посидел в одиночестве, сонно разглядывая цветочный узор на клеёнке, крикнул «Спасибо!» («На доброе здоровье», – отозвалась из кухни Валя) и ушёл в летник, где проспал до вечера.

Разбудила его Лена.

– Не спи, не спи, художник, не предавайся сну, ты – Времени заложник, у Вечности в плену..., – пропела она Чистову на ухо.

– А? Что? – вскинулся он, не сразу поняв, где находится.

– Дим, там такой невозможный закат! Пойдём к озеру.

Девушка сидела на краю топчана, смотрела большими умоляющими глазами. Дима вскочил, старательно избегая коснуться её в тесноте сарайчика.

– Хорошо, сейчас приду...

Лена ушла нехотя.

Повалявшись ещё немного в уютном полумраке, Дима решил, что художник действительно времени заложник; пока не стемнело, надо поработать. Собрался, вышел. В огороде среди грядок увидел белый платок и отчего-то вдруг разволновался.

Валя выпрямилась, посмотрела издали – словно потянула за невидимую верёвочку, и Дима пошёл к ней, не задумываясь... Внезапно под ногу ему попала какая-то палка, перед глазами возник большой лопух, а по затылку ударил этюдник.

– Ах ты, батюшки, – по-бабьи захохла Валя. – Ну-ка, покажи...

Она осматривала его ушибленную ногу, а он разглядывал её тонкие пальцы, круглые глянцево-коленки и боролся с искушением обнять эту незнакомую, но почему-то очень желанную женщину.

– Больно?

– Нет.

– Попробуй наступить.

– Всё нормально. Извини... те.

– Да за что? Это я виновата – бросила тятку на меже.

Она говорила негромко, наклонялась близко, прикасалась ласково... Дима едва сдерживался. Почудилось: от высокого напряжения воздух между ними искрит, даже, вроде, озоном запахло... Он уже почти перестал владеть собой, как вдруг в доме громко хлопнула дверь, Валя испуганно шагнула в сторону, и... будто щёлкнул невидимый выключатель – исчезла искра.

Дима помолчал растерянно, брякнул ни к селу, ни к городу:

– Мне Варвара Кузьминична почему-то запретила к ва... к те... к тебе подходить.

Валя засмеялась, пожала плечами:

– Не подходи, коли не разрешает.

И добавила тихо:

– На мне запретов нет.

Помолчали. Дима тупо топтался на меже, Валя старательно сгребала в кучу вырванную траву. Взглянула в глаза – словно небесной лазурью плеснула:

– Ты куда шёл-то?

– Э-э-э... Работать. Монастырь у вас тут... Хотел набросок сделать.

– В ту сторону иди. Там калитка.

Вернулся Чистов затемно. На столике обнаружил кувшин молока и тёплый ещё каравай. На топчане громоздился огромный тулуп. С наслаждением поел при льющем в оконце ярком свете луны и вытянулся под тёплой овчиной.

И приснился ему странный сон: будто идёт по лунному лучу неземной красоты женщина. Обнажённое тело прикрывают только длинные светлые волосы. Она льнёт к Диме руками, ногами, губами, и он подаётся навстречу её отчаянным ласкам... Вместе они на огромных качелях взлетают к небу и падают вниз... Взлетают и падают, взлетают и падают... В сладком наваждении Дима истаявал, растекался нежностью. Ошеломлённый, не сразу понял, что это не сон, что над ним Валя в покрывале своих дивных волос. Хотел удивиться – не смог, засмеялся, крутанулся, подминая её под себя, и снова улетел в какое-то иное, доселе неизвестное измерение...

А когда вынырнул в реальность дня, Вали рядом уже не было.

Она развешивала во дворе постиранное бельё. Глянула чистыми ясными глазами, поздоровалась ласково:

– Доброе утро.

Дима подошёл, обнял, уткнулся в волосы, закрученные на затылке в большой пучок, вдохнул травный запах:

– Почему ты их днём не распускаешь?

– Не надо. Мешают.

– А я тебя во сне видел...

Валя улыбнулась:

– К непогоде, должно быть. Ступай в дом, там каша на столе.

Снова взялась за бельё. Сосредоточенно доставала мокрые вещи из таза, встряхивала, прицепляла на верёвку – словно отгораживалась от Димы.

Уходить ему не хотелось.

– Угу. Спасибо. Тебе помочь? Может, воды принести...

– Нет, не нужно, мы с Толей сами справляемся.

Дима крутился возле Вали, а она гнала его, беспокойно оглядываясь.

– Иди, делай своё дело, рисуй.

– Ты как будто боишься кого-то.

– Не надо, чтобы Толя нас видел.

– Он же тебе не муж и не сын.

– Зато я ему – всё.

– Где его так?

– В армии.

Отвечала Валя неохотно, и Дима прекратил расспросы. Собрал этюдник, пошёл к монастырю.

У живописных руин уже сосредоточенно трудились Зорин и Полева.

– Что-то ты долго дрыхнешь, – Игорь взгляделся в лицо приятеля. – И лыбишься, как придурочный. Ну-ну... Может, тебе лимончик зажевать?

– Зачем?

– Затем, что на тебя смотреть больно: сияешь, как солнце.

– Иди ты, – отмахнулся Дима.

Подошла Лена, поинтересовалась тревожно:

– Ещё не прибил тебя малахольный братец?

– С чего бы? Он смирный.

– Да? А моя хозяйка говорит – буйный. Прошлым летом с топором гонял по деревне какого-то фольклориста.

– Ещё чего старая сплетница тебе наговорила?

– Валя и Толя – близнецы, из Подмосковья. Он – контуженый инвалид.

– Это я знаю, – кивнул Дима.

Было неприятно, что Лена и болтливая бабка обсуждали Валу за её спиной.

«Надо прекратить этот разговор, Валя мне сама о себе расскажет», – подумал Дима, но промолчал. А Лена торопливо выкладывала всё, что успела узнать.

– Она после школы поступила в институт, а он не поступил, его забрали в армию и отправили, знаешь, куда?

– Куда?

– В Чехословакию, – шёпотом сообщила Лена и опасливо оглянулась, будто в этой глуши кто-то мог арестовать её за разглашение секретных сведений. – Он танкистом служил. Представляешь?

Дима представлял плохо. В армии он не был, после школы сразу поступил в институт. Про Чехословакию что-то слышал, но когда в Прагу входили советские танки, ему было всего одиннадцать лет...

– Через два года родителям сообщили: Толя пропал без вести. Мать слегла, отец запил, а Валя бросила учёбу и поехала брата искать. Нашла в красноярском госпитале. Какой-то писарь-идиот перепутал Красногорск с Красноярском. Представляешь?

– Да, – Дима невольно стал вслушиваться в рассказ.

– Вот. И тогда Валя устроилась работать санитаркой, чтобы всегда быть рядом с братом. А Варвара Кузьминична как раз ногу косой повредила, и её тоже в госпиталь положили как ветерана войны – она на фронте снайпером была, отец-охотник научил её бить зверя прямо в глаз. Там они с Валею познакомились и вдвоём Толю сюда привезли, чтобы травами лечить. Но на самом деле Варвара никакая не знахарка, а колдунья. Она и Валею учит ворожить. Не заметил?

– Как же, видел: на помеле летала, – засмеялся Дима, но на душе у него сделалось неуютно...

Ночью он долго рассматривал в оконце расписанный загадочными тенями жёлтый глаз Луны – ждал Валею. Не выдержал, уснул. Проснулся от прикосновения горячего тела. Щекотно скользнули по коже душистые волосы...

«Может, и правда, ведьма», – подумал равнодушно, уносясь то ли в рай, то ли в преисподнюю.

...Днём Дима неистово работал, во всём ощущая Валею: в деревьях – её тонкую фигуру, в траве – шелковистые волосы, в озерной глади – ласковые ладони... А ночью, когда силы тьмы раскачивали небесные качели, взлетал к Луне, всё больше теряющей очертания идеального круга.

Днём на него укоризненно смотрели заплаканные глаза Лены и, насмешливо – Игоря Зорина, а ночью он не мог оторвать взгляда от колдовской игры лунного света на обнажённом женском теле...

– Можно, я тебя нарисую?

– Некогда мне позировать.

– Давай прямо сейчас, при луне. Я смогу.

– Поспи лучше, отдохни. Потом нарисуешь, по памяти. Ты ведь не забудешь меня?

– Никогда! Ты не такая, как все. Ты – особенная.

– Чем же?

– Всем...

Толя, вроде бы, и существовал, но его как бы и не было – Чистов с ним не встречался. Уходил рано, прихватив собранную Валею корзинку с едой, возвращался поздно, когда больной уже спал.

В сумасшедших ночных полётах Валя о брате не вспоминала. Они вообще почти не разговаривали. Но Дима чувствовал: никто никогда не понимал его так хорошо, как Валя. И никогда раньше он не брал в руки кисть с таким душевным восторгом, с такой нежностью ко всему существу: небу, лесу, озеру, монастырским руинам и даже к зловредной старухе-сплетнице, ежедневно пичкающей Лену байками о колдунах и ворожеях.

Округлив глаза, Полева пересказывала, что Варвара специально селит к Вале молодых мужиков. Как-то вычисляет, у кого сердце свободно (тут Лена начинала шмыгать носом, а Дима смущенно отворачивался) и ведёт в летник. Надеется, что Валя квартиранта приворожит, и тот останется навсегда, а то ведь умирает деревня...

Страдания Лены и насмешки Игоря портили Диме настроение, и он стал уходить работать подальше в лес.

Возвращался затемно, быстро ужинал в сарае и, покрутившись в нетерпении на топчане, встречал «белую лебедь, обречённо плавающую по замерзающей воде» – такой сюжет Чистов задумал для своей дипломной работы.

Эскизы круглого озера, дремлющего в лесной глуши, уже лежали в папке.

Время замедлило ход, почти остановилось...

Подтолкнул его Зорин. Однажды он разыскал в лесу Диму, упоённо работающего над очередным наброском:

– Всё, Димон, надоело мне это захолустье. Пора обратно в цивилизацию. Завтра тракторист в город едет, мы с Леной договорились с ним отчалить. Но ты, если хочешь, можешь остаться у своей старушки навсегда.

Дима растерялся. Быстро собрал этюдник и пошёл в деревню.

Во дворе Толя неловко рубил дрова. Валя, приговаривая что-то ласковое, складывала их в поленницу. Не обращая внимания на убогого, Дима сгрёб женщину в объятия, заговорил сумбурно:

– Поехали со мной! У меня мама очень хорошая, она тебя примет...

Толя замер с колуном в руке и бессмысленно уставился на них.

Валя вывернулась, глянула непривычно холодно:

– Ты что!? Нет-нет! Брата не брошу! Никогда!

Дима снова крепко прижал её к себе, словно уговаривал всем телом:

– В Москве клиники всякие есть, дома для инвалидов, можно его – туда...

Говорил и чувствовал, как неубедительны его слова, а сам он жалок и нелеп.

Валя птицей трепыхалась в его руках:

– Ни за что! Он не выживет без меня!

– А как же я? Я тоже... тоже не смогу без тебя! Поехали...

– Нет! Нет!

Они боролись, словно дрались, каждый – за свою судьбу.

Вдруг через Валино плечо Дима увидел побелевшего Толю с вытаращенными глазами и вознесённым над головой топором. Жутко завывая, Толя медленно шёл на них.

Валя оттолкнула Диму: «Уйди подальше!», метнулась к брату:

– Толенька, маленький... всё хорошо... это я, я... смотри сюда... смотри на меня...

Дима отступил в густую тень у забора, не зная, броситься ему к Вале на помощь или она сама справится? Ведь не в первый же раз, наверное, этот припадочный так возбуждается...

Толя мотал головой, мычал и рвался из рук сестры. А она ловила в ладони его лицо, взглядом держала зрачки, гладила по щекам, по голове:

– Толечка, братенька, это я... я тут... я с тобой... всё хорошо, мой родной, мой любимый...

И уластила, успокоила. Толя замер, закатив глаза, приоткрыв слюнявый рот; штаны его вдруг намокли – он описался и расслабленно повис на сестре. Валя повела его прочь, приговаривая нежно:

– Ничего, ничего, маленький, всё хорошо... сейчас в баньке помоемся, переоденемся...

Диму затошнило так, что едва не вывернуло. Он опустил на траву. Посидел немного, отдышался и побрёл в летник. Долго лежал в нагретом солнцем, пропитанном запахом трав сарае, не думая ни о чём. Ждал, когда придёт Валя, и они спокойно обсудят, как дальше жить. Вместе непременно что-нибудь придумают. Вместе...

Он то засыпал, то просыпался во мраке, обступившем его со всех сторон – луна той ночью так и не показалась на затянутом чёрным крепом небе; и опять засыпал, во сне продолжая прислушиваться, не идёт ли Валя.

Она не пришла.

Очнулся Чистов на рассвете усталым, разбитым. Вяло собрал вещи, пошёл во двор. На крыльце Валя складывала в знакомую корзинку еду. Мне в дорогу – понял Дима. Сердце сбилось с ритма... Подошёл, хотел обнять, поцеловать, но натолкнулся на отстраняющий взгляд и не посмел. Попытался сказать что-нибудь тёплое, доброе, не нашёл слов, кивнул молча.

Синие глаза Вали плакали сухо, без слёз.

...В Москве случилось то, чего никто не ожидал: Чистов бросил учёбу, ушёл из дома в какую-то общагу, где три дня страшно пил, а потом попытался повеситься. Событьельники вызвали «скорую»...

Через месяц мать забрала Диму из больницы и позвонила Лене Полевой. Лена не утешала, не упрекала, просто всегда была рядом – спокойная, преданная...

Год спустя, похудевший, молчаливый, Дима восстановился в институте и на «отлично» защитил серию сибирских пейзажей. Среди них выделялся вид освещённого полной луной таинственного лесного озера с одиноким белым лебедем у берега.

...За панорамным окном мастерской стемнело. Но Чистов и без света, и даже с закрытыми глазами видел картину: сквозь сумбур тёмных как ночное небо тревожных мазков неясным светом проступает обнажённая женская фигура в профиль. Женщина напряжена, словно хочет, но не может двинуться; на запрокинутом лице смирение узника, уже полюбившего свою неволю. Длинные волосы падают за спину, в их линиях угадывается вторая фигура – мужская. Остро ощущается: женщина и мужчина неразделимы, как проросшие друг в друга растения... Валя и Толя. Сестра и брат. Но искусствоведы, в их числе и друг Дмитрия Павловича известный галерист Игорь Борисович Зорин, полагают, что так художник изобразил любовников, и нахваливают интересную находку.

Ещё специалисты отмечают неизменно бушующую в картинах Чистова энергию жизни. Источником этой неугасающей с годами чувственности все называют жену мастера Елену Михайловну Полеву – его Музу и Берегиню.

Дмитрий Павлович это мнение не опровергает.

Восхитительный берег

В лучах яркого солнца порт Савона казался праздничным. Дивный белый лайнер выглядел в точности как на рекламе, и на душе у Аллы Витальевны посветлело...

Нанятый в аэропорту Милана таксист за немалую дополнительную плату согласился провезти её до судна. Но посадка на «Costa Deliziosa» ещё не началась, и услужливый итальянец в нетерпении топтался возле двух огромных чемоданов, поглядывая на часы.

Дорога не слишком утомила Аллу Витальевну, хотя ночью в номере «Метрополя» удалось вздремнуть лишь пару часов. Но это ерунда, бессонница давно стала её близкой подругой. Поначалу Алла Витальевна впадала в панику от долгих ночных бдений, но потом научилась безропотно принимать навязчивую гостью и даже получать удовольствие от её визитов. Другого выхода не было – приходилось тщательно скрывать тот факт, что выпрошенное у доктора снотворное не используется по назначению. Зато сколько за минувший год было прочитано книг в тишине спящего дома! Сколько просмотрено прекрасных фильмов (но так и не найден ответ на вопрос: почему хорошие картины телевидение показывает исключительно после полуночи?). А долгие ночные размышления... Да если бы Алла глотала таблетки и крепко спала, разве смогла бы она принять такое непростое решение? Никогда в жизни!

Алла Витальевна с удовольствием вдохнула влажный морской воздух, поправила шляпку и открыла новенькую фирменную сумочку. Рядом с дорогим ваучером на круиз лежал дешёвый мобильник – словно пришелец из прошлой жизни. Почему она не выбросила его в Москве? Долго думала: надо ли звонить дочери. Так и не позвонила. Что сказать? Всё написано в завещании, запертом в банковской ячейке. Там же деньги – Катина доля. Ключ, пароль и подробные разъяснения с нижайшими извинениями едут почтой на адрес доктора; более надёжного человека в мире нет...

Всё, не о чем говорить. Алла Витальевна вынула телефон, широко замахнулась, намереваясь отправить его прямиком в воды Генуэзской бухты, как вдруг аппарат зазвонил. Чёрная пластмассовая коробочка вибрировала и гудела на ладони, настойчиво требуя внимания. Алла Витальевна нерешительно ткнула в зелёный значок приёма.

– Да.

– Мама, здравствуй, ты где? Звоню, звоню тебе домой, а какой-то мужик говорит, что ты здесь... то есть, там уже не живёшь. Дал этот номер. Что за идиот? Ты пустила квартирантов?..

Вот в этом вся её дочь: тараторит напористо, уверенно, словно не было ни унижительной попытки запереть мать в психушке, ни больше года глухого молчания...

– Катя, послушай...

– Нет, это ты послушай! Придётся твоим квартирантам съехать. Вадик завтра приедет.

– Вадик? Зачем?

– Как зачем? Жить. И работать. Ему в Москве обещают работу.

– Но я... у меня...

– Мама, не возражай. Забудь свои никчёмные обиды. Это твой единственный внук! Да, мальчик оступился, но ты прекрасно знаешь, это дружки подбили его. Он отсидел по чужой вине...

– Катя, извини, я сейчас в Италии, ты разоришься на звонке.

– Что? Как ты туда попала? Зачем?

– Самолётом попала. Уплываю в кругосветное путешествие.

Ошеломлённая пауза. И шёпот:

– Откуда у тебя такие деньги?

– Я продала квартиру.

– Мама, ты чокнулась? А где Вадик будет жить?

– А где буду жить я, тебя не интересует? – по-детски жалобно спросила Алла Витальевна и сама смутилась: Катя не участвовала в принятии судьбоносного решения, чего с неё спрашивать.

Год назад, после грандиозного скандала они договорились не вмешиваться в жизнь друг друга. И дочь старательно избегала общения с матерью. Не позвонила даже когда в годовщину смерти отца приехала на его могилку...

Муж Аллы Витальевны не пережил уголовного суда над любимым внуком Вадимом. Обширный инфаркт разорвал ему сердце за считанные минуты. «Скорая» констатировала смерть и увезла Аллу Витальевну в сильнейшей истерике.

Почти полвека Алла знала, зачем просыпается утром, для кого готовит, прибирает, стирает. Знала, на чьё плечо можно положить голову, к чьей груди прижаться. Работа – это так, чтобы без пенсии не остаться, главное в жизни семья. Муж был тихим, покладистым (непонятно, в кого Катя выросла такой строптивой), казался незаметным, а оказался незаменимым.

В образовавшуюся пустоту хлынул нестерпимый холод одиночества. От этого холода Алла оцепенела так, что не сразу сообразила, чего хотят от неё родственники. А хотели они, чтобы замороженную горем Аллу признали психически больной и недееспособной. Мысль, ясное дело, исходила от нового супруга Кати – хронического эгоцентриста. Ему очень хотелось отселить куда-нибудь избалованного пасынка. Вадик уезжать из родного дома (на самом деле – от питерских дружков) в Москву отказывался. Там ведь бабушка контролирует, жить учит. Вот если бы столичная квартира опустела...

С этой идеей и пачкой денег (кстати, оставленных в наследство отцом) Катя обратилась к главврачу психиатрической клиники. Старый доктор с внешностью аристократа и соответствующими манерами денег не взял. Он познакомился с Аллой Витальевной, признал её вполне нормальной женщиной, которой нужны лишь время и душевное тепло, чтобы прийти в себя, и установил над ней собственную неформальную опеку. Так началось их общение.

Это были не медицинские приёмы, а редкие встречи двух пожилых вдовых людей. Несколько раз они погуляли в парке, сходили в театр, но чаще беседовали по телефону. Можно было бы сказать, что между ними установились доверительно-дружеские отношения, если бы не маленький нюанс: Алла врача обманывала. Самым, что ни на есть, бессовестным образом врала. Можно даже сказать подставляла под неприятности: сильнодействующее снотворное, которое ей при личных встречах давал доктор, она не принимала, а с далеко идущей целью складывала в коробочку.

К этой цели Аллу Витальевну толкало чувство жгучей обиды на дочь. Катя хочет от неё избавиться? Что ж, Алла сама уйдёт. Быстро, безболезненно, а главное – красиво. Не будет расплющенного трупа упавшей с крыши старухи или повешенной с высунутым языком. Алла Витальевна расстанется с этой жизнью элегантно: в лучшем своём наряде, на чистой постели, уснёт и не проснётся. Собранных за год таблеток хватит наверняка. Вот тогда они все поймут...

Кто поймёт и что именно, Алла представляла не совсем чётко, но образ утопающего в цветах гроба с рыдающей над ним дочерью почему-то утешал. Хотя и не было уверенности, что Катю действительно охватит глубокое раскаяние. Зато любезному доктору неприятно будет узнать, на что пошли прописанные им таблетки. Вдруг он пострадает из-за Аллы?.. На этих мыслях Алла Витальевна начинала колебаться, но не отказывалась от задуманного. Ах, да что там! Не всё ли равно, что будет после? Решение принято, осталось только выбрать подходящий день, точнее, ночь и не струсить в последний момент. Какое время считать подходящим, Алла пока не решила, но была уверена: сразу почувствует, когда оно придёт...

Хорошо продуманный план нарушил яркий рекламный буклет. Он выпал из почтового ящика и дохнул в лицо морским бризом. На обложке красавец лайнер горделиво плыл под

витиевато выведенными буквами: «С нами Вы побываете в раю!» Слоган показался Алле Витальевне знакомым. Она вспомнила слова заботливого доктора: «Неважно, сколько минут жизни у вас впереди. Важно, какова на вкус та, что здесь и сейчас».

Много ли было в жизни Аллы вкусных мгновений?

Страстной любви она не знала – вышла за первого, кто сделал предложение. Получилось удачно, но... пресно. Дочь родилась так тяжело, что о других детях даже думать не хотелось. Вот и тряслась над единственным ребёнком, а в благодарность получила расчетливую подлость... Всего два по-настоящему счастливых события вспомнила Алла: день, когда муж принёс ордер на квартиру, и день, когда она вышла на пенсию. Расставаясь с тесной комнатухой в коммуналке и – через тридцать лет – с душным кабинетом в архиве, она чувствовала себя птицей, вылетающей из клетки на волю...

Вспомнив позабытый вкус свободы, Алла внесла изменения в сценарий своего развода с жизнью. Какая разница, где будут выпиты заветные таблетки? Так ли уж важно, в какой конкретно день она ляжет рядом с мужем на Востряковском кладбище?.. Зато, прежде чем попасть в ад, она побывает в раю.

На срочную продажу квартиры, покупку круиза и сборы ушло всего несколько дней. Оставшиеся до вылета сутки Алла Витальевна провела в дорогом отеле...

Катин голос в мобильнике наполнился паникой.

– Нет, ну ты всё-таки сумасшедшая! Ребёнок всего месяц как из тюрьмы вышел, его поддержать надо.

– Ребёнку под тридцать, пора научиться самому о себе заботиться.

– Дети всегда остаются детьми... Ты что и, правда, в Италии? Перезвони мне немедленно, надо поговорить, и больше не шути так глупо насчет квартиры.

Короткие гудки запищали в ухо. Вихрь противоречивых чувств заметался внутри, растворяя былую решимость... Вдруг лайнер издал короткий низкий гудок. Словно кто-то сильный и уверенный добродушно рявкнул на Аллу Витальевну:

– Не дрейфь, старушка! Тебя ждёт каюта «люкс» и место за капитанским столом. Роскошные бассейны и кинотеатры, профессиональные музыканты и повара, вышколенные стюарды и аниматоры – к твоим услугам! Сто шестнадцать дней ты будешь комфортабельно жить и весело проводить время, не подсчитывая расходы и не упрекая себя за расточительство. Ты увидишь Испанию и Бразилию, Аргентину и Уругвай, Австралию и Новую Зеландию, Намибию и Сенегал, Португалию и Францию... Разве не этого ты желала в далёком советском детстве, даже перед самой собой стыдясь легкомысленной буржуазной мечты?..

Едва слышный «бульк» был ему ответом. Таксист проводил мобильник взглядом, пожал плечами и подхватил чемоданы пожилой синьоры, одетой дорого, стильно, но с лицом женщины бедной и несчастливой. Ох, уж эти загадочные русские...

У трапа Аллу Витальевну встретили улыбающиеся стюарды в белоснежных форменных одеждах. Она протянула документы, ещё раз с восхищением оглядела внушительную махину лайнера. И вспомнила как, изучив рекламный буклет от одной глянцевой корки до другой, позвонила своему любезному доктору узнать, что означает Costa Deliziosa. Доктор не удивился, не спросил: с чего она решила, будто он знает итальянский, просто сразу ответил:

– Восхитительный берег. Где вы это услышали?

– Да так... в рекламе, – уклонилась от ответа Алла.

– Как спите? Дать вам ещё таблеток?

– Спасибо большое! С таблетками сплю прекрасно, но пока ещё не все израсходовала.

– Я очень рад, – доктор действительно радовался, ведь это был единственный в его практике случай, когда от бессонницы помогала смесь мела с сахаром. – Тогда давайте встретимся без повода. В парке завтра ярмарка...

Алла от встречи отказалась и вскоре уехала, не прощаясь, туда, где ждал её белоснежный «Восхитительный Берег», острым носом устремлённый в сверкающую синеву моря...

Талисман

«– Простите, не поверю, – ответил Воланд, – этого быть не может. Рукописи не горят...»

Михаил Булгаков,
«Мастер и Маргарита»

Доводилось ли вам бывать в сибирском городке Прокопьевске? Нет? Вот и я там не бывала. Но в Прокопьевске живёт мой друг – писатель Анатолий Ярмолюк. Был он когда-то и оперативником, и журналистом, и церковным звонарём, и... много кем был Анатолий, прежде чем начал писать рассказы. По этим рассказам легко представить себе город Прокопьевск: космический холод зимой, африканский зной летом; под землёй уголь, над землёй вороны, между ними люди, веселые и грустные, добрые и не очень... Словом, разные, как в любом другом городе, не только Прокопьевске. И, может быть, в тех, других городах даже есть такие же люди, как писатель Ярмолюк, который непрестанно кого-нибудь спасает.

В студёные зимние дни, например, Ярмолюк спасает ворон. Замерзшие птицы, случается, во сне теряют сознание и падают на землю. Анатолий рано утром выходит на улицу, подбирает их, отогревает за пазухой и отпускает обратно на волю. Вороны улетают, но потом снова замерзают и падают, а писатель их опять поднимает и пристраивает себе под тулуп погреться – и так, пока на улице не потеплеет. Хорошо, что вороны не все поголовно до упаду мёрзнут. За зиму штуки три-пять, не больше. У них, как уверяет Ярмолюк, внутри имеется некий природный механизм для сохранения тепла. Человеку с морозом труднее сладить. Окажешься в сибирской степи наедине с лютой стужей – всё, верная смерть...

Однажды зимой под Прокопьевском погиб цыганский табор. Весь целиком, с маленькими детьми и стариками. Что там вдруг стряслось у ромал – неизвестно, только вопреки всем цыганским традициям в самые жуткие февральские морозы табор оставил тёплый дом на окраине Прокопьевска и скрылся в метельной мгле. Нашли их, окоченевших, всего в семи километрах от города...

Может, тот случай сильно повлиял на Анатолия, может, просто от душевной потребности помогать, только стал писатель Ярмолюк в городе Прокопьевске ярым цыганским правозащитником. Документы оформить, работу подыскать, перед властью заступиться или разрулить непростые отношения с местными – за этим все цыгане стали первым делом к Ярмолюку обращаться. Так что он не удивился, когда на стук открыл дверь и увидел на пороге многочисленную семью своих соседей – цыган. Загомонили все разом, горячо и тревожно.

– Стоп, – Ярмолюк показал на старшего, деда Ивана, – ты говори. Что случилось?

Из сбивчивой речи Анатолий узнал, что утром полицейские увели дедова внука Алексея. Обвинения не предъявили, наручники не надели. То ли арестовали, то ли нет – непонятно. Но Алексей ни в чем не виноват! Не крал, не мошенничал, наркоту не толкал и вообще в Прокопьевск только вчера вечером приехал...

Бывший оперативник не очень-то поверил в рассказ, но пообещал узнать, что к чему; остались у него связи в органах.

– Разберусь, – пробасил Анатолий, натягивая тулуп. – Не ходите за мной в отделение. Сам к вам приду.

Дежурный, просмотрев записи, никаких данных о задержании Алексея не обнаружил. Нашлась пропажа в кабинете следователя. С порога Ярмолюк понял, что полицейский с цыганом достичь согласия, ясное дело, не могут.

– Читай, – раздражённо тыкал пальцем в ворох бумаг полицейский. – Что тут написано?

– Гражданин начальник, – тарачил в ответ чёрные очи цыган, – ничего не понимаю!

– Русских букв не знаешь? Или своего языка? Тут ведь русскими буквами цыганские слова написаны или нет? – горячился следователь.

– Буквы знаю, слова знаю, а что написано никак не пойму! Отпусти, я ничего не сделал, только вчера приехал...

– Все вы «только вчера приехал»!

Писатель пожал руку бывшему коллеге и оглядел заваленный какими-то бумажными клочками стол.

– Вот, – следователь возмущенно сгрёб бумаги и потряс ими перед Анатолием, – надо сдать в архив дело одного карманника, а мы не можем прочесть его переписку. Четыре года ловили. Этот цыган как волк-одиночка погону нутром чуял: только очередную лёжку накроём, а его там уж нет, одни записки. В них, может, имена какие, адреса... Надо бы перевести на русский. Алексей грамотный, я знаю, он с моей дочкой в одном классе учился, а тут «дурака включил» и мозги мне компостирует.

– Всё он понимает! – усмехнулся Ярмолук. – Но, как любой цыган, ждёт от власти неприятностей, потому на всякий случай притворяется. Дай, гляну.

Взял исписанный карандашом листок. Действительно, буквы русские, слова цыганские...
«одэс тэ... хасиём... на ром...»

Анатолий читал и мысленно переводил.

Кочевать в феврале – безумие. Никакой цыган не кочует в феврале. Но что же поделатъ, когда именно в феврале под цыганскими ногами загорелась земля?..

«Знакомая история», – подумал Ярмолук. Впрочем, в Прокопьевске все её помнили...

Отчего тогда ромалы разом сорвались с места – доподлинно никто не знал, но в народе поговаривали, будто обманули они лихих людей и те пригрозили им смертью. Только недалеко табор ушёл. Накрыло беглецов пургой... О том и писал на листке цыганский вор... На другом – о судьбе своей и о матери, и ещё – о любви к русской девушке...

– Это, – писатель вдруг отчего-то охрип и закашлялся. – Это не воровская переписка, нет тут никаких явок-паролей... Стихи это. Не надо их в архив. Отдай мне.

– Стихии-и-и? – удивлённо протянул следователь. – Ну, ладно. Стихи нам без надобности, забирай. А тебе-то зачем?

Ярмолук ошеломлённо смотрел на бумажные обрывки, словно те сами собой заговорили поэтическими строками.

– Хорошие стихи, – повторил он. – Переведу, напечатаю. Как звали того цыгана?

– Талисман.

– Миро чаворо, миро Талисман, – сказала юная цыганка мужу, когда их первенец появился на свет, – мой мальчик, мой Талисман. Пока он с нами, ничего плохого никогда не случится!

У многих цыган по два имени: одно значится в документах (если, конечно, у цыгана есть документы), а другое – каким мама называет. Очень любят ромалы красивые имена: Ангел, Золотой, Золушка, Куколка... Верят: есть в тех именах магическая сила оберега.

Только никого не уберёт черноглазый Талисман. Даже себя.

Отец его пропал где-то на российских просторах. Уехал в город Гусь-Хрустальный счастья искать. Пообещал: «Ждите, приеду с деньгами». Ждала его жена, да не дождалась.

«Нехорошо жить нахлебниками на наших шеях, – сказали ей родственники. – Зарабатывай, как все».

Через полгода молодую мать арестовали за сбыт наркотиков. Пять лет колонии присудили.

– Ай, – причитали над Талисманом цыганки. – За что ребёнка осиротили?! Разве это её товар? Она его делала? Она – ромны – цыганская женщина, ей на роду написано торговать. Разве торговать – плохое дело? Никого она не убила, не ограбила! Пусть тех сажают, чей это плохой товар!

Кто их слышал? Земля да небо...

Вырастили мальчонку тётка и дядя, у которых своих детей было пятеро плюс приёмных трое. Не бросили, в детдом не отдали, выкормили, грамоте обучили и даже ремеслу. Воровскому.

Талисман красть не хотел. Ему нравилось учиться, книжки читать, стихи сочинять... Только линия жизни цыгана ветром по пыльной дороге начертана, и не свернуть с неё. Написано «чёр» – «вор» – и будешь до конца дней своих кошельки подрезать.

Пропал ром Талисман. Остались от него лишь «Дело» в полицейском архиве да слова на мятых обрывках. В тех словах – таинственным кодом поэзии – небесная музыка земных человеческих чувств.

Как тосклива земля без веселых цыганских костров, / Без платков разноцветных и песен печальных и нежных. / Там, где табор шумел, только тени холодных ветров, / Да звенят ковыли, будто плачут о днях безмятежных.

...Это счастье моё неожиданное, / Это горе, чтоб мне пропасть. / Ты – любовь моя окаянная, / Вспышка молнии, ветра страсть. / ... / У меня душа чёрным вороном / На могильном кресте молчит, / А твоя душа на все стороны / Песней жаворонка звучит...

Ай, да что там! Где поэзия, а где – чёр!..

Но Талисман хоть и жил вором, все ж таки был поэтом, а значит – пророком, и сам предсказал свою судьбу.

Не гадай мне, старая цыганка, / О судьбе цыгана – не гадай. / Я и сам сегодня спозаранку / Видел, как оскалилась беда. / ... / Я, конечно, не сбегу далеко, / Мне не нужно далеко бежать — / Ведь у той былинки одинокой / Я останусь навсегда лежать...

– Сидит? – спросил писатель Ярмолюк, рассыпая мятые клочки по карманам.

– Застрелили при попытке к бегству, – следователь завязал шнурки тощей папки, довольный, что не нужно возиться с переводом загадочных каракулей. – Взяли на квартире очередной любушки. И как же этого Талисмана наши русские бабы обожали! Ни одна не выдала. Даже обманутые слова худого о нём не сказали. Мы сами его выследили. Это для него уже не первая ходка была бы. Видать, не захотел опять в тюрьму, вот и рванул дурноломом наудачу, только от пули не убежишь.

– О как! А в паспорте у него какое имя значилось?

– Не было при нём документов. Как назвала его подружка, у которой он до ареста жил, так в деле и записали: Талисман. Можно сказать, безмянным бомжем похоронили. Даже не знаю, где...

– Можно, я пойду? – подал голос повеселевший Алексей.

Он уже понял, что к нему претензий нет, что его задержание – это как бы приглашение в переводчики. Жёстко, конечно, пригласили. Только чего другого ждать цыгану от полиции?

– Сейчас вместе пойдём, – Ярмолюк попрощался со следователем и вслед за Алексеем вышел в метельную стынь.

«Эх, Талисман, растерял ты свой дар на смутных дорогах. Сколько там стихов сохранилось – пятнадцать? двадцать? не больше... Но на тонкую книжицу хватит. Надо издать, чтобы

не пропали», – думал Анатолий, прижимая локтями оттопыренные карманы и прикидывая, у кого из местных ромал попросить помощи в переводе – своих знаний языка вряд ли достанет...

Стемнело. Холодно и отстранённо смотрели крупные звёзды с антрацитово-чёрного неба, расписанного туманностями, словно сибирская земля снежными метелями.

Ярмолук с Алексеем шли молча, уткнув носы в поднятые воротники. С ними рядом незримой тенью шёл Талисман, нёс на бумажных обрывках непростую свою судьбу...

Кто мне скажет, зачем и откуда приходит беда?/Я не знаю ответ, и мой взор устремляется к небу.../Но молчат небеса, и безмолвствует в речке вода,/Гаснет день, и качается мир, ускользающий в небыль...

...Словно замёрзшую в камень полумёртвую ворону, подобрал Анатолий Ярмолук стихи Талисмана, отогрел и выпустил на волю. Затеряются они среди тысяч других или найдут путь к своему читателю?..

Ответ знает лишь тот, кто наделил цыганского вора талантом Поэта...

Примечание автора: рассказ написан на основе подлинных событий, но не является документально точным

Рояль в горах

Майорка. Вальдемосса. Ноябрь 1838 года

...Вершины гор скрывает мокрый туман; виноградники и оливковые рощи на их склонах едва просвечивают сквозь мелкий назойливый дождь. Серый ослик старательно упирает тонкие копытца в каменистую тропу. Сидящий на нём молодой мужчина в просторном непромокаемом плаще с капюшоном встревоженно обращается к устало шагающей рядом женщине:

- Аврора, дорогая, я волнуюсь за инструмент, на него не должна попасть влага.
- Всё хорошо, мон ами, матросы надёжно упаковали его в брезент...

Пьетро прислушивается к звукам незнакомой речи. Он старается не смотреть на женщину: смущает её мужской костюм – кожаные штаны, высокие сапоги, шляпа...

«Надо проследить, чтобы этого безобразия не увидела Каталина, – думает Пьетро, – дочка скоро выходит замуж, не понравится семье жениха, если девушка станет общаться с такой срамной женщиной. Говорят, переодетая в мужчину мадам приехала со своими детьми и... любовником! Подумать только! Тьфу, какой позор! Господин тоже подозрительный: сильно кашляет, как бы не завёз на остров заразу... Зачем-то они тащат с собой большой и тяжёлый музыкальный инструмент. Двадцать матросов волокут его к монастырю – видно, эти господа богаты... Пожалуй, они хорошо заплатят за мясо, хлеб, сыр, вино, можно будет ещё собрать денег к свадьбе дочери...»

– Я запрещаю тебе ходить к ним! – Пьетро сердится, его лицо краснеет. – Пусть мать отнесёт продукты в монастырь.

- Нет, пойду!

Каталина возмущённо топает ногой. Анита испуганно ахает: муж многое позволяет своей любимице, но топать на отца – это уж слишком. Она поднимает большую корзину и спешит к двери.

- Цену не сбавляй! – кричит ей вслед Пьетро.

Следом за матерью, схватив накидку, из дома выбегает Каталина...

Холодная морось всё так же висит над горами.

– Мама, можно я пойду с тобой? Хочу увидеть женщину в мужском платье! Не могу поверить, что такие есть, наверное, отец присочинил. С ним ведь случается. Помнишь про чёрта в винограднике?..

Рассудив, что вдвоём легче нести тяжёлую корзину, и будет лучше, если девочка удовлетворит любопытство под присмотром матери, Анита согласно кивает. Ей тоже кажется сомнительным, что женщина может ходить в штанах, курить и жить с молодым любовником в присутствии своих детей...

Путешественники занимают несколько комнат. У мадам, детей, их гувернантки и молодого господина отдельные спальни. Рояль стоит в гостиной, где горит камин...

К Аните с Каталиной выходит женщина средних лет в тёмно-сером шуршащем платье, за ней выбегают мальчик-подросток и девочка помладше. Дама говорит по-испански с заметным акцентом.

– Спасибо, большое спасибо! Проходите, садитесь сюда, к огню. Я Аврора Дюпен. Мой сын Морис, дочь Соланж. Как вас зовут?

– Я Анита, это моя дочь Каталина. Мы живём недалеко, всего в часе ходьбы отсюда. Мой муж Пьетро помогал вам добраться от пристани до монастыря. Вы договорились купить у него еду...

– Да, помню. Очень кстати, мы все голодны. Сколько я вам должна?

Не торгуясь, Аврора отдаёт деньги и зовёт служанку:

– Вот, возьми это, приготовь ужин.

Служанка уносит корзину, а дама присаживается в кресло рядом с Каталиной.

– Сколько тебе лет?

Раздосадованная, что не довелось увидеть женщину в штанах, и удивлённая простыми манерами богатой француженки, Каталина вежливо улыбается.

– Семнадцать, мадам.

– О! Я в семнадцать влюбилась и вышла замуж. А у тебя есть возлюбленный?

Каталина смущённо молчит, за неё отвечает мать:

– У неё есть жених. Весной будет свадьба.

Анита хмурится: ей неприятен разговор на равных знатной дамы с крестьянками. Каждый должен знать своё место и соблюдать приличия. Она решительно поднимается:

– Извините, мадам, нам надо идти, на ферме много работы.

– Пожалуйста, зовите меня просто Аврора.

– Да, мадам Аврора. Мы спешим. Нельзя ли вернуть нашу корзину...

Каталина встаёт вслед за матерью, но тут открывается дверь, входит молодой мужчина. Он красив, но бледен и худ. В нерешительности мужчина останавливается на пороге: он явно не ожидал увидеть гостей.

– Фредерик, проходи, дорогой, это Анита и Каталина с ближней фермы, они принесли нам еду.

Бледный господин кланяется с недовольным выражением на лице, что-то тихо говорит по-французски и снова скрывается за дверью.

– Мой друг Фредерик, композитор! – дама произносит слова благоговейно, словно представляет гостям великого святого. – Уверена, музыку Шопена когда-нибудь будет слушать весь мир... К сожалению, у него слабые лёгкие. Мы приехали сюда укрепить его здоровье чистым горным воздухом. Кто бы мог подумать, что осень окажется такой ненастной...

– Она абсолютно нормальная! – Каталина чуть не плачет, умоляя отца смягчиться. – Я же видела: одевается как все женщины. И дети у неё славные... Что нам за дело до её отношений с молодым господином? Может быть, и нет между ними никакой греховной связи. Может, она заботится о своём больном друге как мать... Нельзя отказывать им в пище!

– Только попробуй ослушаться! Проповедь падре была строгой, и он запретил всем – слышишь меня? всем! – фермерам продавать этим безбожникам свой товар, и я не продам. Они уедут, а нам здесь жить. Не хочу, чтобы соседи и семья твоего жениха отвернулись от нас... Вчера святой отец видел, как она расхаживала по монастырю, переодетая в мужчину и с папирсой в зубах! Кроме того, поговаривают, болезнь её любовника заразна... Всё, разговор окончен! Ни за какие деньги не продам даже крошки со стола, и ты больше никогда не будешь с ними видиться!

Дубовая дверь гулко захлопывается за Пьетро, словно ставит в споре точку.

...Звуки музыки Каталина слышит ещё на подходе к монастырю.

Девушка опускает на тропу тайком собранную корзину с едой (немного мяса и хлеба удалось стащить с кухни, когда вышла мать) и прислушивается. Нежная мелодия звучит негромко, но отчётливо, тревожа юное сердце. Каталина подхватывает ношу и прибавляет шаг...

Она стоит под окном, прижимаясь спиной к холодной каменной стене, не в силах шевельнуться. Душа Каталины волнуется, божественная музыка поднимает её вверх, несёт над горами, над тучами – к солнцу, согревает и переполняет счастьем...

– Милая, ты совершенно вымокла! Так можно простудиться. Пойдём скорее в дом!

Каталина открывает глаза.

Перед ней стоит француженка в мужских кожаных штанах, куртке с поясом и широкополой шляпе, с которой капает вода; высокие сапоги доверху покрывает мокрая грязь. Усталое лицо мадам бледно.

– Я обошла три фермы и только на самой дальней согласились продать нам продукты. Что случилось с крестьянами? Чем мы их прогневали, не понимаю...

Они входят в дом, музыка умолкает.

...Огонь в камине бросает тревожный отсвет на лица. Господин Фредерик дремлет в кресле под тёплым пледом. Мадам Аврора задумчиво курит, стряхивая пепел в бронзовую тарелку.

– Говоришь, им не нравится, как мы живём... Ах, Каталина, я не бросаю вызов, нет, просто уверена: женщина тоже имеет право на счастливую жизнь и никто – ни родители, ни церковь, ни государство – не смеют отнимать у неё это право. Посмотри, как трудно ходить по горам в длинной юбке. Подол намокает, цепляется за колючки... Мужчинам в их одежде проще. Почему бы и нам не носить такую же?..

– Падре говорит, господь не благословляет женщину штаны надевать, это безнравственно.

– Господу важна наша душа и неважно, во что облачено тело.

– Вы очень смелая...

– Нет. Просто не было другого выхода. Во Франции женщин не пускают в театр на самые дешёвые места – в партер... Я тогда была очень бедна, но жить не могла без искусства. Пришлось переступить через мнение общества. Я надела мужское платье и пришла в оперу! О, сколько было возмущения! Сколько грязи полилось на моё имя! Но если бы я обращала на сплетни внимание, мне пришлось бы жить в клетке из предрассудков...

– Это правда, что вам... у вас... вы хотите, чтобы вас называли Жорж?

– Жорж Санд – мой псевдоним... Не понимаешь? Так я подписываю свои книги. Во Франции издатели не любят иметь дело с авторами-женщинами. Потому и в литературе я была вынуждена взять мужское имя... Ты умеешь читать, Каталина?

– Нет, но хочу научиться. Только не получится. Весной меня выдадут замуж.

– Ты его любишь?

– Не знаю. Видела один раз... Родители так решили. Они смогут расширить виноградник, если мы поженимся.

– Никто не имеет права навязать другому человеку свою волю. Ты красивая, умная, чуткая девушка. Осталось только ощутить себя свободной...

Ещё до рассвета, невзирая на нескончаемый дождь, Пьетро уходит на виноградник. Он не догадывается, что строптивая девчонка каждый день бежит в монастырь. А мать попустительствует единственной дочери, жалеет её. Ведь в скором времени девочке предстоит нести тяготы супружеской жизни в чужом доме...

Часами, скромно сидя в уголке гостиной, Каталина слушает игру господина Шопена. Звуки музыки заполняют всё вокруг и внутри неё. В тех звуках она слышит грустный шорох дождя над островом и весёлое пение птиц в виноградниках, шелест листьев над головой и нежный шёпот обещания... В них жизнь – другая, нездешняя, она пугает и... невыносимо влечёт Каталину...

Они покидают остров на маленьком пароме, везущем стадо свиней.

Аврора мечется между Фредериком, которому за минувшую зиму стало только хуже, и капитаном, недовольно высказывающим претензии: у господина заразная болезнь, по мест-

ным законам после него положено сжечь все вещи в каюте, а плата за провоз эти расходы не учитывает.

Морис и Соланж тоже больны – простудились в ненастной холодной Вильдемоссе. За ними присматривает Каталина. Она убежала из дома ночью. Вслед за музыкой...

Через несколько дней путешественники переседают на французский военный корабль и вскоре благополучно причалют в Марселе.

Оставленный в горах рояль служители монастыря, опасаясь распространения заразы, сожгут вместе с другими вещами больного композитора...

Много лет спустя место, где останавливались Фредерик Шопен и Аврора Дюпен, станет главной достопримечательностью Майорки. В монастыре Ла Картуха майорканцы откроют музей Шопена и поставят там чёрное пианино. В Вильдемоссе туристам будут продавать романы Жорж Санд, переведённые на все языки мира.

...Каталина до глубокой старости проживёт в Париже, работая прислугой только в тех домах, где часто звучит музыка. До конца своих дней она ни разу не наденет мужского костюма.

Натюрморт в зелёных тонах

Ковыряя в скважине ржавым ключом, Изабелла Бувич шептала неприличные слова и пинала дверь мастерской. Старый замок не поддавался.

– Давайте, я попробую, – прозвучал за её спиной низкий голос.

Изабелла резко обернулась и окинула незнакомого мужчину профессиональным взглядом художника. Высокий, худощавый, загорелое лицо как будто высечено из тёмного дерева... нет, не грубым топором, а тонким клинком: два взмаха – острые скулы, ещё два – длинный, узкий нос; раз – высокий лоб, ещё раз – подбородок... Вот тут рука Творца дрогнула, и вместо более подходящей волевым чертам резкой, твёрдой линии получилась вялая, скошенная – так и тянуло взять карандаш, поправить очертание... Красавец? Ни с какой стороны. И совершенно не в её вкусе. Отчего же из глубины души вдруг поднялось это смутное волнение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.